

УДК 343.14
DOI 10.32326/19931778_2024_5_155

РЕЗУЛЬТАТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© 2024 г.

С.Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

s.rossinskiy@gmail.com

Поступила в редакцию 10.08.2024

Обосновывается высокий информационный потенциал результатов административной деятельности и обращается внимание на отсутствие нормативной основы для их использования как полноценных средств уголовно-процессуального доказывания. Одновременно выявляются практические технологии, позволяющие сотрудникам органов предварительного расследования и суду преодолевать существующие пробелы нормативного регулирования, в первую очередь известный прикладной алгоритм, состоящий в позиционировании результатов административной деятельности под видом результатов оперативно-разыскной деятельности. Исходя из критической оценки всех подобных технологий, в статье формулируется вывод о необходимости внедрения в доктрину, законодательство и правоприменительную практику подходов, основанных на понимании результатов административной деятельности как автономных средств уголовно-процессуального доказывания.

Ключевые слова: административная деятельность; доказательство; доказывание; результаты административной деятельности; результаты оперативно-разыскной деятельности; собрание доказательств; средства уголовно-процессуального доказывания.

Введение

На общем фоне большого количества самых разнообразных проблем, традиционно присущих доктринальному и нормативному обеспечению уголовного судопроизводства, практике органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, особой актуальностью, способностью оказаться в фокусе внимания ученых, предрасположенностью к спорам и дискуссиям всегда характеризовались и продолжают характеризоваться различные аспекты уголовно-процессуального доказывания – предусмотренной Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ) совокупности когнитивных и удостоверительных приемов, а также формально-логических операций, позволяющих убедиться в реальности или отсутствии неких значимых для соответствующего дела обстоятельств в целях вынесения законных, обоснованных и мотивированных правоприменительных актов. Причем такая актуальность проблематики доказывания видится вполне естественной и закономерной. Ведь, с одной стороны, связанные с ней правоотношения являются своеобразной сердцевинкой уголовного судопроизводства, осуществляются на всем его протяжении, обуславливают полномочия и правомочия всех участвующих в нем лиц [1, с. 122; 2, с. 12]. С другой стороны, механизмы доказывания имеют не столько сугубо правовую, сколько синтетическую природу – во многом основаны на плохо поддающихся

юридической формализации естественных способностях человека к познанию окружающей реальности, логическому мышлению и генерированию соответствующих выводов [3, с. 92]. Поэтому как сама теория уголовно-процессуального доказывания, так и детерминированные ею нормы закона просто не могут не предполагать целого ряда проблем, которые, по оценкам некоторых ученых, исчисляются десятками и продолжают лишь разрастаться [4, с. 13–14].

Одна из подобных проблем связана с возможностью и условиями включения в общую массу средств доказывания отдельных фрагментов непроцессуальной информации – неких полезных для расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел сведений, получаемых лицами, не являющимися участниками уголовного судопроизводства, и вне рамок предусмотренных уголовно-процессуальным законом правоотношений. И хотя в подавляющем большинстве посвященных данным вопросам публикаций признается непреложная, иногда ключевая, роль подобных информационных ресурсов [5, с. 28; 6, с. 35 и др.], им никогда не уделялось должного научного внимания. А если быть точнее, то взоры исследователей традиционно останавливались и продолжают останавливаться лишь на одной группе вопросов, связанных с использованием в доказывании непроцессуальной информации. Содержание соответствующих изысканий [7, с. 342–416; 8, с. 86–116; 9, с. 219–329], как правило, ограничивалось и

продолжает ограничиваться результатами оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), то есть сведениями и материалами, получаемыми оперативными подразделениями правоохранительных органов полицейского типа в порядке, установленном Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Хотя некоторые ученые все же иногда немного раздвигали эти рамки – рассматривали доказательственный потенциал результатов как бы параправоохранительной деятельности, в первую очередь материалов и сведений, собранных детективными агентствами, частными охранными предприятиями и т.п. [5, с. 143–153; 10, с. 164–165; 11, с. 32].

Вместе с тем все подобные материалы и сведения – далеко не единственные информационные активы, подлежащие первичному накоплению вне обусловленных УПК РФ правоотношений. Продуктивное решение возникающих перед субъектами уголовно-процессуального доказывания практических задач неразрывно сопряжено с потребностью грамотного распоряжения результатами так называемой административной деятельности, то есть деятельности, осуществляемой органами исполнительной власти, иными государственными органами либо их должностными лицами, реализующими всевозможные управленческие функции в сфере публичного администрирования.

Однако, несмотря на свою востребованность, подобные средства доказывания никогда не становились предметом серьезных изысканий – об их существовании вообще упоминается всего лишь в нескольких публикациях и то достаточно фрагментарно [12, с. 47, 105, 115]. В этой связи в настоящее время ощущается объективная необходимость в более детальном рассмотрении результатов административной деятельности как средств уголовно-процессуального доказывания, условий, пределов и порядка их использования в дознавательской, следственной, прокурорской, адвокатской и судебной практике. Намерения включиться в эту работу и предопределили подготовку настоящей статьи.

О роли результатов административной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании

Вообще под административной деятельностью надлежит понимать совокупность предусмотренных федеральными законами, законами субъектов РФ или подзаконными нормативными актами административно-правовой направленности управленческих приемов и процедур,

отнесенных к компетенции органов исполнительной власти, прочих государственных и муниципальных органов, а также работающих в них чиновников, посредством которых решаются самые разнообразные задачи и реализуются различные функции в сфере публичного администрирования [13, с. 174; 14, с. 38; 15, с. 16 и др.]. Причем многие из таких приемов и процедур предполагают достаточно тесную связь с выявлением и раскрытием преступлений, с обнаружением и изъятием различных предметов, имеющих значение для уголовного дела, в том числе следов преступления (потенциальных вещественных доказательств), с получением разнообразных документов, с фактическими задержаниями потенциальных подозреваемых и решением прочих задач, обеспечивающих продуктивность доказывания по уголовному делу.

В подтверждение сказанного разумно привести некоторые примеры из правоприменительной практики. Так, находясь на 40-м км федеральной автомагистрали М-9 «Балтия», сотрудники 11-го батальона 1-го полка ДПС ГИБДД ГУ МВД России по Московской области остановили вызвавший подозрение автомобиль «LADA-PRIORA», зарегистрированный в одном из субъектов РФ, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ. В ходе досмотровых мероприятий, проведенных на основании п. 16 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции), в «бардачке» автомашины был обнаружен и изъят пластмассовый контейнер с находившимся в нем сыпучим веществом белого цвета. Впоследствии удалось диагностировать, что вещество является наркотическим средством – героином (диацетилморфином), а его масса достаточна для привлечения задержанного лица к уголовной ответственности.

Другой пример – это проведенный сотрудниками таможни в международном аэропорту Санкт-Петербурга «Пулково» на основании ст. 117 Таможенного кодекса Таможенного союза (принятого Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17) досмотр багажа одного из пассажиров, прибывших из Турецкой Республики. В ходе обследования его чемодана были обнаружены 15 упаковок запрещенного к свободному обороту в России сильнодействующего вещества «диазепам».

Еще один пример можно почерпнуть из практики Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области. Так, в ходе проведения планового рейда сотрудники департамента при содействии участкового уполномоченного ОМВД России

по Вытегорскому району Вологодской области задержали двух местных жителей, ловивших рыбу ставными сетями на нерестовом участке Онежского озера. В ходе проведенного в порядке п. 3, 4 ч. 1 ст. 43.3 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» досмотра орудий добычи (вылова) и личных вещей задержанных были обнаружены и изъяты три ставные рыболовные сети и 27 крупных особей рыб, принадлежащих к семействам лососевых и сиговых.

Современная правоприменительная практика изобилует и множеством других схожих примеров. Более того, в части расследования и судебного разбирательства некоторых видов преступлений добываемые полицией либо другими органами исполнительной власти информационные ресурсы приобретают важнейшее значение, становятся ключевыми средствами доказывания, позволяющими изобличить подозреваемых и обвиняемых (подсудимых) в совершении инкриминируемых им деяний. При этом любые подобные правоохранительные приемы относятся исключительно к сфере административно-правового регулирования; они устанавливаются нормативными актами, регламентирующими компетенцию и порядок работы различных ведомств, их подразделений и должностных лиц в публично-управленческой сфере. А полученные посредством их осуществления сведения – не что иное, как типичные результаты административной деятельности, подлежащие продуктивному использованию в дознавательской, следственной, прокурорской и судебной практике и оказывающие неоценимую пользу в решении задач уголовно-процессуального доказывания.

Об отсутствии нормативной основы использования результатов административной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании

Однако, несмотря на столь важную роль результатов административной деятельности для нужд уголовной юстиции, невзирая на их постоянное и повсеместное использование в качестве средств доказывания, законодатель занял по данному вопросу абсолютно пассивную позицию. Ни нормы, входящие в гл. 10–11 УПК РФ, ни другие статьи Кодекса ни содержат ни единого намека на подобное дозволение, тем более на четко установленное предписание, что ввиду приоритетности использования императивного метода уголовно-процессуального регулирования надлежит истолковывать как фак-

тический запрет на признание таких сведений полноценными средствами доказывания (допустимыми доказательствами).

Конечно, на первый взгляд, можно предположить, что неким исключением из подобного запрета являются результаты упоминаемых в ч. 1 ст. 144 и ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ непроцессуальных действий неопределенной правовой природы: получения объяснений, истребования предметов, документов, инициирования ревизий и т.д. Ведь, исходя из смысла закона, эти ресурсы вполне допустимы к использованию в ходе проверок сообщений о преступлениях и сокращенных дознаний. Вместе с тем при более детальном осмыслении данное предположение тоже представляется не вполне состоятельным – ввиду отсутствия ярко выраженного административно-правового характера требуемых для их накопления познавательно-удостоверительных и прочих приемов. Если бы такие приемы прямо предусматривались положениями административного права, например, все того же Закона о полиции, а в Уголовно-процессуальном кодексе РФ содержались только бланкетные нормы, то их природа не вызвала бы никаких сомнений. Но в реальности «коллективный законодатель» избрал для решения возникающих проблем совершенно иной правотворческий подход, состоящий в достаточно неудачных попытках введения указанных приемов прямо в предмет уголовно-процессуального регулирования без каких-либо бланкетных корреляций с административно-правовым законодательством. И разработчики проекта УПК РФ, и авторы ряда инкрементально вносимых него дополнений почему-то всегда старались ограничиваться лишь упоминанием о подобных способах проведения проверок сообщений о преступлениях и сокращенных дознаний, не предусматривая ни собственных (уголовно-процессуальных) правил их производства, ни каких-либо бланкетных связей с положениями, входящими в сферу административного, в частности «полицейского» права, что всегда порождало и продолжает порождать изрядную неопределенность, приводящую к известным затруднениям в правоприменительной практике.

Скорее всего, вытекающая из смысла закона неприемлемость использования результатов административной деятельности в качестве самостоятельных средств доказывания была обусловлена известной догмой об ущербности непроцессуальных сведений по сравнению с традиционными видами доказательств (показаниями, заключениями экспертов, следственными протоколами и т.д.) – ввиду их необремененности должными гарантиями юридической добро-

качественности [16, с. 282; 17, с. 39; 18, с. 107]. Правда, нельзя исключить и другое объяснение: ненадлежащую доктринальную проработанность данной проблематики, банальное непонимание либо недопонимание некоторыми допущенными к уголовно-процессуальному законотворчеству «специалистами» подлинной правовой природы таких информационных активов, в первую очередь их отличий от результатов ОРД. По крайней мере, в противном случае выраженное в ст. 89 УПК РФ явное недоверие к непроцессуальной информации одним лишь негативным отношением к результатам ОРД не ограничилось – по всей вероятности, авторы проекта Кодекса не забыли бы ввести аналогичные требования и в отношении результатов административной деятельности.

Хотя в целом причины, повлиявшие на не включение результатов административной деятельности в систему средств уголовно-процессуального доказывания, не так уж и важны. Гораздо важнее другое – сам факт формальной невозможности их использования для нужд доказывания, в частности для аргументации приговоров либо иных правоприменительных актов. Законодатель просто уклонился от разрешения подобной, к слову, имеющей весьма существенное значение для правоприменительной практики проблемы, как бы не заметил потребности в процессуальной легализации результатов административной деятельности, не уделил им никакого внимания, разве что за исключением играющих особую правовую роль и поэтому находящихся как бы в стороне от основного вектора доказывания механизмов административной преюдиции, подлежащих применению по отдельным категориям уголовных судопроизводств.

Исходя из буквально смысла закона, средствами уголовно-процессуального доказывания были и остаются лишь информационные активы, предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а способами их собирания – только регламентированные ст. 86 УПК РФ следственные, другие процессуальные действия и конкретные формы реализации соответствующих прав обвиняемого, защитника, прочих невластных участников уголовного судопроизводства. Иными словами, делая ставку на декларируемую в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ формальную доброкачественность (допустимость) доказательств как обязательное условие их использования в любой форме судопроизводства, законодатель предъявляет к ним достаточно жесткие требования, выполнение которых в части работы с результатами административной деятельности невозможно. Каких-либо правовых инструментов,

позволяющих ввести такие результаты в общую массу доказательственного материала, приобщить их к уголовному делу в качестве готовых информационных продуктов, просто не существует.

О практических алгоритмах легализации результатов административной деятельности в качестве средств уголовно-процессуального доказывания

В этой связи нет ничего странного в том, что подобные задачи решаются при помощи различных ухищрений, всевозможных «обходных путей» и прочих изобретений правоприменительной практики, с одной стороны, способствующих преодолению возникающих трудностей, а с другой – создающих видимость формального соблюдения установленных уголовно-процессуальным законом требований. Причем наиболее распространенным вполне ожидаемо стал прикладной алгоритм, сводящийся к использованию результатов административной деятельности под «маской» результатов ОРД, то есть к работе с одними информационными активами под видом других. Многие дознаватели, следователи, прокуроры и даже адвокаты уже воспринимают как непреложную данность, как само собой разумеющуюся истину, совершенно ошибочный постулат, что предусмотренные нормами административного права всевозможные досмотры (осмотры), обследования, изъятия, экспертизы, прочие связанные с накоплением полезных сведений приемы и процедуры, проводимые полицией, налоговыми или таможенными органами, подразделениями ФАС России или другими субъектами исполнительно-распорядительной деятельности, – это оперативно-разыскные мероприятия, а их результаты – полезные ресурсы, подпадающие под смысл ст. 89 УПК РФ. Правда, при этом почему-то забывается, что Законом об ОРД подобные приемы и процедуры, равно как многие из осуществляющих их субъектов, просто не предусмотрены – но кто же станет обращать внимание на такую «мелочь»?!

Аналогические прикладные подходы нередко используются и в судебной практике, в частности при обосновании итоговых правоприменительных актов. Например, постановляя приговор по одному из уголовных дел о покушении на сбыт наркотического средства, Василеостровский районный суд г. Санкт-Петербурга наряду с другими доказательствами обосновал виновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления результатом ОРД, а именно «актом личного досмотра и изъятия по-

лиэтиленового пакета с порошкообразным веществом». Схожий по содержанию аргумент можно обнаружить и в одном из апелляционных решений Московского городского суда по уголовному делу о фальшивомонетничестве, где в качестве результата ОРД позиционируется составленный сотрудниками полиции «протокол личного досмотра и изъятия у человека вызвавших подозрение денежных средств в иностранной валюте». Причем авторы приведенных судебных актов, по всей вероятности, тоже забыли, что полицейский досмотр – никоим образом не оперативно-разыскной прием, а типичная административно-правовая мера, установленная не Законом об ОРД, а п. 16 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции, – но кто же опять станет обращать внимание на столь «незначительную» деталь?!

А причины подобных и, мягко говоря, не совсем правильных прикладных подходов весьма очевидны. Так, с точки зрения уголовно-процессуального доказывания и результаты ОРД, и результаты административной деятельности – это достаточно близкие, имеющие весьма схожую правовую природу познавательные активы – ни те, ни другие не являются порождением уголовно-процессуальной формы, не возникают в ходе предусмотренных УПК РФ когнитивно-удостоверительных механизмов работы органов дознания, предварительного расследования, прокуратуры и суда. Все эти сведения и материалы возникают вне уголовно-процессуальных отношений и лишь затем, после представления либо истребования (образно говоря, после попадания «на стол» к дознавателю, следователю или судье) вводятся в досудебное либо судебное производство, то есть формально приобщаются к уголовному делу в качестве готовых информационных продуктов, либо не вводятся, не приобщаются – в случаях осознания их юридической недоброкачественности или бесполезности для нужд уголовного судопроизводства. Иными словами, схожесть результатов ОРД и результатов административной деятельности для судей, прокуроров, следователей, дознавателей, адвокатов обуславливается присущей любым подобным познавательным активам некой чужеродностью для уголовного процесса, обуславливающей определенные сомнения в их надёжности, известную степень недоверия к их содержанию. Тем более что зачастую они формируются и представляются для приобщения к уголовным делам сотрудниками одних и тех же правоохранительных ведомств: органов внутренних дел (полиции), таможенных органов, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и т.п. – кто там на практике будет разбираться в тонкостях правовой природы поступающих материалов?!

1. Кроме того, использование результатов оперативно-разыскных мероприятий, как уже отмечалось выше, все же предполагает какую-никакую нормативную основу, сводящуюся к ст. 89 УПК РФ и вроде бы как взаимосвязанным с ней положениям Закона об ОРД вкупе с подзаконной Инструкцией о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд (см.: совместный приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»).

2. Конечно, эти положения как не выдерживающие никакой критики, содержащие целый ряд противоречий, порождающие множество доктринальных и прикладных проблем, являются весьма малоприспособленными для практического применения и использования в дознавательской, следственной, прокурорской и судебной практике, на что уже неоднократно обращалось внимание в научных публикациях [6, с. 182; 7, с. 363]. Но тем не менее указанные нормы все же имеются (!). Субъекты доказывания все-таки могут чем-то и как-то руководствоваться, а точнее – создавать видимость такого руководства «на бумаге», прямо ссылаясь на данные положения в своих правоприменительных актах, хотя и с изрядной долей процессуального лукавства и даже самообмана.

Тогда как для использования в доказывании результатов административной деятельности никакой нормативной основы просто не существует; такие положения не предусмотрены ни УПК РФ, ни какими-либо другими нормативными актами, регламентирующими деятельность тех или иных органов исполнительной власти. Любая подобная потребность приводит соответствующего субъекта к осознанию правового вакуума, к пониманию отсутствия в имеющемся арсенале необходимого правового инструмента. А выход, как правило, усматривается в возможности применения права по аналогии – призвания на помощь наиболее близкого по смыслу положения, коим и является все та же ст. 89 УПК РФ. По крайней мере, никакого более подходящего способа для практического преодоления указанных трудностей в настоящее время действительно нет.

Правда, с последним тезисом можно и поспорить, вспомнив про «всеобъемлющий» потенциал предусмотренных ст. 84 УПК РФ иных документов. На первый взгляд, содержание ука-

занной статьи вроде бы настолько универсально, что ее положения вполне пригодны для использования в отношении любых предполагающих документальную фиксацию информационных активов, в том числе и результатов административной деятельности. Во всяком случае, так нередко поступают практические работники, в частности судьи. Например, именно таким образом поступил один из судей Тимирязевского районного суда г. Москвы в ходе рассмотрения уголовного дела о разбойном нападении группой лиц на отделение коммерческого банка – иным документом был признан протокол осуществлённого сотрудниками Росгвардии личного досмотра одного из будущих подсудимых в момент его фактического задержания. В протоколе указывались обстоятельства обнаружения и изъятия орудия преступления – зажигалки китайского производства, внешне похожей на пистолет системы Макарова.

3. Вместе с тем такие доводы, равно как и предопределённые ими практические технологии, представляются совершенно неприемлемыми – ровно по той же причине, по которой ошибочными видятся научные воззрения [8, с. 99; 12, с. 114–115 и др.], детерминированные ими прикладные алгоритмы и даже позиции Конституционного Суда РФ (см., например: определения Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1293-О, от 24 сентября 2013 г. № 1505-О), предполагающие разумность использования аналогичных подходов к результатам ОРД. Ведь ст. 84 УПК РФ вовсе не настолько универсальна, каковой она может показаться на первый взгляд. Исходя из ее смысла, иными документами надлежит признавать лишь такие «свободные» объекты документального характера, которые содержат официальные либо неофициальные сообщения предприятий, учреждений, организаций, граждан и пр. Тогда как результаты административной деятельности, равно как и результаты ОРД, формируются в ходе реализации сотрудниками правоохранительных органов своих государственно-властных полномочий, то есть путем осуществления хотя и непроцессуальных, но все же предполагающих некую правовую форму и обремененных рядом юридических гарантий когнитивно-удостоверительных приемов.

Выводы

На основании всего вышеизложенного можно заключить, что в современных реалиях существования и развития уголовной юстиции имеется объективная потребность в формировании совокупности доктринальных положений о

результатах административной деятельности как об автономных средствах уголовно-процессуального доказывания. В частности, необходимо распознать сущность результатов административной деятельности, четко определить перечень предрасположенных к их получению органов и должностных лиц, а также обуславливающие их возникновение направления деятельности (функции) и полномочия этих органов и должностных лиц. Кроме того, надлежит выявить четкие и понятные для практических работников критерии для разграничения результатов административной деятельности с другими, схожими с ними по различным признакам и свойствам средствами уголовного процессуального доказывания: с результатами ОРД, с иными документами, с вещественными доказательствами, с материалами доследственных проверок сообщений о преступлениях и т.д.

И наконец, самое важное! Требуется разработать и предложить для законодательной легализации в целях дальнейшего использования в правоприменительной практике процессуальный механизм приобщения результатов административной деятельности к уголовному делу, их проверки и оценки, с одной стороны, соответствующий общим методологическим подходам к доказыванию в целом и правилам работы с отдельными доказательствами в частности, а с другой – учитывающий изначально непроцессуальный характер данных познавательных активов, их возникновение за рамками уголовно-процессуальных правоотношений. Причем такой механизм разумнее всего конструировать в условиях преемственности по отношению к правилам уголовно-процессуальной легализации результатов оперативно-розыскной деятельности как достаточно близких по источнику происхождению информационных ресурсов. А с учетом того, что указанные правила в настоящее время тоже не имеют четкого нормативного выражения и являются предметом постоянных дискуссий, разработка механизма приобщения результатов административной деятельности к уголовному делу видится достаточно сложным научным проектом, предполагающим преодоление множества преград, критических оценок и замечаний потенциальных оппонентов.

Решению этих задач автор намерен уделить особое внимание в ходе дальнейших научных изысканий...

Статья подготовлена по государственному заданию Института государства и права Российской академии наук. Тема НИР № FMUZ-2024-0037 «Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности уголовно-правовыми и административно-правовыми средствами».

Список литературы

1. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд. М.: Норма, 2010. 240 с.
2. Шейфер С.А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015. 110 с.
3. Россинский С.Б. Собираание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 3. С. 91–103.
4. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997. 191 с.
5. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юридическая литература, 1991. 208 с.
6. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 262 с.
7. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2006. 441 с.
8. Семенов В.А., Сафонов В.Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2006. 136 с.
9. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2009. 373 с.
10. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995. 272 с.
11. Кузнецов Н.П., Дадонев С.Н. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 32–33.
12. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 238 с.
13. Евтихийев И.И. Виды и формы административной деятельности органов государственного управления: Дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Московский государственный университет, 1948. 448 с.
14. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть общая / Под ред. А.П. Коренева. М.: Щит-М, 1997. 334 с.
15. Россинский Б.В. Размышления о государственном управлении и административной ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 5. С. 6–24.
16. Астафьев Ю.В. Методологические основы соотношения оперативно-розыскной и доказательственной информации в расследовании преступлений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 1. С. 280–290.
17. Волосюк П.В. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 38–41.
18. Победкин А.В. Тайное проникновение оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 2. С. 104–110.

RESULTS OF ADMINISTRATIVE ACTIVITIES AS A MEANS OF EVIDENCE
IN CRIMINAL PROCEEDINGS

S.B. Rossinskiy

The article substantiates the high information potential of the results of administrative activities and draws attention to the lack of a regulatory framework for their use as full-fledged means of criminal procedural evidence. At the same time, practical technologies have been identified that allow employees of preliminary investigation bodies and the court to overcome existing gaps in regulatory regulation, primarily the well-known applied algorithm, which consists of positioning the results of administrative activities under the guise of the results of operational investigative activities. Based on a critical assessment of such technologies, the article formulates a conclusion about the need to introduce approaches into doctrine, legislation and law enforcement practice that are based on an understanding of the results of administrative activities as autonomous means of criminal procedural evidence.

Keywords: administrative activities; proof; results of administrative activities; results of operational investigative activities; collecting evidence; means of criminal procedural evidence.

References

1. Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice. 2nd ed. M.: Norma, 2010. 240 p.
2. Shayfer S.A. Collecting evidence in a criminal case: problems of legislation, theory and practice. M.: Norma, 2015. 110 p.
3. Rossinskiy S.B. Collection of evidence as the «first» stage of proof in a criminal case // Legal Bulletin of Samara University. T.6. 2020. № 3. P. 91–103.
4. Davletov A.A. Fundamentals of criminal procedural knowledge. Ekaterinburg: Humanitarian University, 1997. 191 p.
5. Bednyakov D.I. Non-procedural information and crime investigation. M.: Legal literature, 1991. 208 p.
6. Polyakov M.P. Criminal procedural interpretation of the results of operational investigative activities. Nizhniy Novgorod: Nizhniy Novgorod law academy, 2001. 262 p.
7. Zazhitskiy V.I. Results of operational search activities in criminal proceedings: theory and practice. St. Petersburg: Legal center «Press», 2006. 441 p.
8. Sementsov V.A., Safonov V.Yu. Legal prerequisites and stages of implementation of the results of operational search activities in pre-trial proceedings. Ekaterinburg: Ural state law academy, 2006. 136 p.

9. Dolya E.A. Formation of evidence based on the results of operational search activities. M.: Prospekt, 2009. 373 p.
10. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Criminal process: evidence and proof. Voronezh: Voronezh state university, 1995. 272 p.
11. Kuznetsov N.P., Dadonov S.N. The right of a defender to collect evidence: essence and limits // Russian justice. 2002. № 8. P. 32–33.
12. Shayfer S.A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation. M.: Norma, 2008. 238 p.
13. Evtikhiev I.I. Types and forms of administrative activities of government bodies: dissertation of doctor of law. M.: Moscow state university, 1948. 448 p.
14. Administrative activities of internal affairs bodies. General part / Ed. A.P. Korenev. M.: Shield-M, 1997. 334 p.
15. Rossinskiy B.V. Reflections on public administration and administrative responsibility // Administrative law and process. 2016. № 5. P. 6–24.
16. Astafyev Yu.V. Methodological foundations of the relationship between operational investigative and evidentiary information in the investigation of crimes // Bulletin of Voronezh state university. 2007. № 1. P. 280–290.
17. Volosyuk P.V. Problems of using the results of operational search activities in criminal proceedings // Legal science. 2013. № 1. P. 38–41.
18. Pobedkin A.V. Secret penetration of operational search activities in criminal proceedings // Judicial power and criminal process. 2022. № 2. P. 104–110.